

- императрицы Марии Федоровны : истоки благотворительности в России // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2010. № 30. С. 12–17 ; *Лозовская Е. Г., Харинина Л. В.* Благотворительная деятельность Ведомства учреждений императрицы Марии Федоровны // *Вестн. Волгогр. гос. ун-та*. Сер. 7 : Философия. Социология и социальные технологии. 2007. № 6. С. 136–139 ; *Хитров А. А.* Опыт организационной благотворительности в России : Ведомство учреждений императрицы Марии (конец XVIII – начало XIX вв.) // *Вестн. С.-Петербур. ун-та*. Сер. 2 : История. 2008. № 2. С. 61–66 и др.
- 2 См.: *Вилламов Г. И.* Хронологическое начертание деяний блаженной памяти государыни императрицы Марии Феодоровны : в пользу состоявших под высочайшим ее покровительством заведений. СПб., 1836. 74 с.
 - 3 См.: *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. С. 393–395.
 - 4 См.: *Энгельгардт Е. А.* Императрица Мария Федоровна в богоугодных ее заведениях. СПб., 1832. 103 с.
 - 5 *Жуковский В.* Чувства пред гробом Государыни Императрицы Марии Феодоровны, в ночи накануне погребения тела Ея Величества // *Описание добродетельной жизни и кончины государыни императрицы Марии Феодоровны* / сост. Николаем Данилевским. М., 1829. С. 61–65.
 - 6 *Жизнь в бозепочиющей государыни императрицы Марии Феодоровны* : в 2 ч. М., 1829. 78 с. ; 74 с.
 - 7 См.: *Письма государыни императрицы Марии Феодоровны к почетному опекуну князю Сергею Михайловичу Голицыну*: 1811–1828. М., 1885. 62 с.
 - 8 См.: *Письма государыни императрицы Марии Феодоровны*, августейшей основательницы и покровительницы Московской Мариинской больницы для бедных, к А. И. Муханову, строителю и первому почетному опекуну, управлявшему Больницею: 1800–1828. М., 1886. 163 с.
 - 9 См.: О начальствовании Государыне Императрице над Обществом благородных девиц. Именной указ от 12 ноября 1796 г. // *Полное собрание законов Российской империи* (далее – ПСЗ РИ). Собрание 1-е : в 45 т. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 3.
 - 10 См.: О прибавке суммы на содержание сего Общества. Именной Указ от 22 декабря 1796 г., данный Государственному казначейству, с приложением доклада Ее Императорского Величества, яко начальствующей над Воспитательным обществом благородных девиц // ПСЗ РИ. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 250.
 - 11 О принятии главного Начальства над Воспитательными домами в обеих столицах Императрице Марии Феодоровне. Именной указ от 2 мая 1797 года, данный Сенату // ПСЗ РИ. СПб., 1830–1851. Т. 24. С. 604.
 - 12 Несколько слов на память о в бозе почивающей императрице Марии Феодоровне и о ведомстве ее учреждений. СПб., 1885. С. 11–12.
 - 13 О принятии Государем императором под свое покровительство всех заведений, состоявших в ведении покойной Государыни императрицы Марии Феодоровны. Именной указ от 26 октября 1828 г., данный сенату // ПСЗ РИ. Собрание 2-е : в 55 т. СПб., 1830–1885. Т. 3. С. 948–949.
 - 14 Несколько слов на память о в бозе почивающей императрице Марии Феодоровне и о ведомстве ее учреждений. СПб., 1885. С. 14.

УДК 1(470):34+929

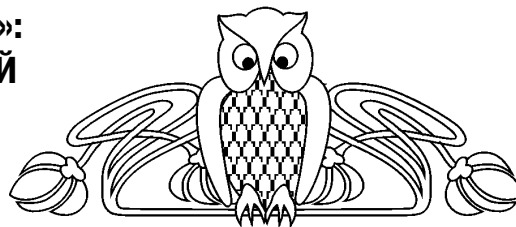
«БОРЬБА НА ЛИТЕРАТУРНЫХ БАРРИКАДАХ»: ДЕЛА О ПЕЧАТИ В РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Р. И. Гальперин

Саратовский государственный университет
E-mail: galperinroman@mail.ru

В статье исследуется такая разновидность политических процессов, как «литературные» дела. В годы Первой русской революции они стали занимать большое место в судебных отчетах о политических процессах. Автор отмечает, что в связи с принятием 24 ноября 1905 г. Именного Высочайшего Указа Сенату «О временных правилах о повременных изданиях» цензурная политика царского правительства была ужесточена. Особое внимание в статье уделено изучению деятельности саратовских присяжных поверенных из синергии «Молодая адвокатура», которые встали в те годы на защиту оппозиционного печатного слова.

Ключевые слова: дела о печати, литературные процессы, присяжные поверенные, синергия «Молодая адвокатура», Первая русская революция, Указ «О временных правилах о повременных изданиях».

«The War on Literature Barricades»: Legal Cases Against Press in Russia During the Years of the First Russian Revolution

R. I. Galperin

This article deals with such sort of political cases as «literature» cases. During the years of the First Russian Revolution they occupied big part in court reports on political cases. The author emphasizes that after the Name Supreme Decree to the Senate «On casual rules for periodical press» has been signed on November 24, 1905, censorship of the tsar government became harder. Special attention is paid to researching activities of Saratov jurors from the synergy «Young Bar» who stood on guard of an opposed printed word at the time.

Key words: cases on press, literature cases, jurors, synergy «Young Bar», First Russian revolution, Decree «On casual rules for periodical press».

Первая русская революция, безусловно, стала переломным моментом в российской истории. Этот период ознаменован большим количеством политических судебных процессов, связанных с революционными выступлениями, крестьянскими погромами, противоправной деятельностью политических партий и т. д. Значительное место в судебных отчетах тех лет стали занимать т. н. «литературные дела» или, как их ещё называли, дела о печати.

24 ноября 1905 г. в свет вышел Именной Высочайший Указ Сенату «О временных правилах о повременных изданиях»¹. «Правительство оценивало этот документ как первый шаг к свободе слова, – отмечал Н. И. Лазаревский. – А для всех остальных этот указ давал возможность понять, как правительство понимает обещанные им в манифесте 17 октября свободы и в каких пределах оно намерено осуществлять свои обещания»². Формально с изданием временных правил 24 ноября 1905 г. печати была предоставлена «полная свобода суждений о действиях правительства и его органов, в какой бы резкой форме суждения ни выражались»³, – считал Л. Таубер. Устанавливалось лишь два необходимых «предела»: неприкосновенность личной чести должностных лиц и правдивость сообщений фактического свойства. Но на деле должностным лицам по делам печати предоставлялась возможность «налагать арест на номер повременного издания с одновременным возбуждением судебного преследования против виновного, если в содержании номера имеются признаки преступного деяния, уголовным законом предусмотренного»⁴. Такая эластичная формулировка закона давала цензорам огромную власть. Не зря эти правила прозвали «правила против печати». Свобода слова в это время, по образному выражению Таубера, напоминала «пляску среди мечей»⁵.

Сразу же после издания временных правил цензурное ведомство «закатало рукава» и начало усиленно работать в тесном сотрудничестве с прокуратурой. Цензоры внимательно отслеживали идеологически опасные публикации и не давали им выйти в свет. «В свою очередь авторы, редакторы и издатели крамольных статей, изданий и книг оказывались перед царским судом, – отмечает Ю. В. Варфоломеев. – По всей России возник целый ряд “литературных процессов”, ранее столь редких в судебном обиходе»⁶. На защиту оппозиционного слова встали представители синергии «Молодая адвокатура»⁷, а некоторые политические защитники даже специализировались на делах о печати. Амплуа своих коллег точно выразил присяжный поверенный О. О. Грузенберг, который пояснял, что к уголовным защитам их не влекло, они полностью ушли

«... в политические, общественные и, частью, литературные защиты»⁸.

Пожалуй, наиболее значительные дела о печати приходится на революционный 1906 г. Профессор Ю. В. Варфоломеев в своем труде «Политические процессы в России (кон. XIX – нач. XX вв.)» рассматривает несколько громких литературных процессов. Так, 7 января 1906 г. в Санкт-Петербургской судебной палате рассматривалось дело по обвинению редактора издателя газеты «Русь» А. А. Суворина по п. п. 1 и 3 ст. 129 Уголовного Уложения. Это был первый литературный процесс, исхода которого напряженно ждали и правительство и оппозиции. Фабула этого дела такова – в одном из номеров газеты «Русь» было напечатано воззвание, в котором содержались в призывы к продолжению забастовки почтово-телеграфных служащих, а также к бойкотированию передач правительственных телеграмм⁹. Опального редактора защищали блестящие адвокаты С. А. Андреевский и М. Л. Гольдштейн. В своих речах присяжные поверенные отметили, что в стране наступила «временная эпоха». Вместо стабильных законов – «временные правила», от которых страдает и правосудие и печать. Наступило «... поголовное преследование журналистов», – констатировал в своей защитной речи С. А. Андреевский. Второй присяжный поверенный М. Л. Гольдштейн также утверждал, что «временные правила» написаны так, что редактор почти любого издания «не газету издает, а непрерывно нарушает 129 ст. Угол. Улож.»¹⁰.

Еще одним показательным в этом отношении делом стал процесс редакторов «Нашей жизни» профессора Л. В. Ходского и А. Н. Котельникова. Их обвиняли в публикации манифеста Совета рабочих депутатов и других революционных организаций, который, по мнению властей, «возбуждал к учинению бунтовщического деяния, а также к неповиновению и противодействию закону». Ходскому и Котельникову инкриминировали п.п. 1 и 3 ст. 129 Уголовного Уложения. От тюремного срока редакторов спасли присяжные поверенные М. Л. Гольдштейн и Д. А. Левин. Им удалось отвести от своих клиентов «политическую статью». Из зала суда Л. В. Ходский вышел, заплатив 500 рублей, а А. Н. Котельников был полностью оправдан¹¹.

Большинство «литературных процессов» попадало под т. н. «политическую» ст. 129 Уголовного Уложения. Эти дела в кулуарах адвокатских кабинетов называли «делами писателей, редакторов, издателей, книгопродавцев и типографов». По факту ст. 129 Уголовного Уложения «стала боевым орудием реакции, привычным средством для борьбы с печатной и устной агитацией, не отвечающей временным видам правительства»¹². Не было в то время редакции, журналиста, общественного деятеля, которого, при желании, нельзя было бы привлечь к уголовной ответственности на ее основании. Этой возможностью цензоры пользовались охотно, пытаясь «приструнить» оппозиционных

редакторов по всей стране. Так, 21 июня 1906 г. в харьковской газете «Девятый вал» был напечатан «наказ» общества крестьян слободы Коротича Харьковского уезда, обращенный к члену Государственной думы Д. И. Назаренко¹³: «Требуйте для нас отчуждения в пользу трудящегося народа земель кабинетских, удельных, казенных, монастырских, церковных, монастырских, церковных и частновладельческих без всякой платы. . . , а также созыва полновластной Думы, т. е. Учредительного Собрания». Редактора газеты В. М. Николаевского обвинили в публикации статьи, целью которой является ниспровержение общественного строя, т. е. в преступлении, предусмотренном п. 2 ст. 129 Уголовного Уложения¹⁴. Тем не менее защитнику Л. Я. Тауберу удалось доказать, что опубликованный «наказ» нельзя признать преступным, так как в данном случае «избиратели обратились к своему представителю в Думе и предлагали ему проводить ту или иную законодательную меру». В итоге, после получасового совещания, В. М. Николаевскому вынесли «оправдательный вердикт ввиду недоказанности»¹⁵.

Но не всегда присяжным поверенным из синергии «Молодая адвокатура» удавалось оправдать оппозиционных редакторов. В декабре 1905 г. в Москве в журнале «Правда» была помещена статья «Ноябрьская политическая стачка в Санкт-Петербурге» и «Московское восстание», и, согласно обвинительного акта, «заведомо заключающие в себе возбуждение к учинению бунтовщического деяния, ниспровержению существующего общественного строя, а именно: призыв к всеобщей забастовке и вооруженному восстанию для борьбы с существующим правительством с целью его ниспровержения и утверждения демократической республики, а также призыв к солдатам отказаться от повиновения начальству, арестовать его, избрать из своей среды руководителей и с оружием в руках присоединиться к восставшему народу»¹⁶. Московская судебная палата на основании пп. 1, 2 и 5 ст. 129 Уголовного Уложения признала редактора газеты В. Кожевникова виновным и приговорила его к заключению в крепости на полтора года. Защитник П. Н. Малянтович подал кассационную жалобу, указав на явные ошибки в работе и цензурного ведомства и прокуроров. Но Правительствующий Сенат оставил кассацию без последствий, потому что в это время государство не могло допустить, чтобы в прессе появлялись резолюции Совета рабочих депутатов, собраний рабочих и речи представителей исполнительного комитета, а именно, ни единой строчки, которая могла бы «оказывать на ум читателя впечатление слабости государственной власти и общественного порядка»¹⁷.

Между тем по своей природе печать призвана быть хроникером событий, и ее главная обязанность в связи с этим сообщать публике все самое значительное, что делается как в правительственном, так и в оппозиционном лагере политической

жизни страны. 12 августа 1906 г. на Аптекарском острове было совершено покушение на председателя Совета Министров П. А. Столыпина. Через три дня в газете «Курская Речь» появилась статья следующего содержания: «Взрыв бомбы на Аптекарском острове является новым – для правящей клики. Правда, тот, кому, очевидно, предназначалась бомба, – Столыпин, остался невредим, но смысл трагического события, повлекшего за собою десятки человеческих жертв, остается тем же. Прежде всего, этот новый террористический акт опять и с неизбежной ясностью подчеркивает всю бессмысленность, всю бесплодность той системы исключительных законов, которою, как тяжелою железною цепью, опутана страна. <...> Народ, уставший ждать своего счастья, глухо волнуется в самых низах, в самых глубинках своих, и желанное успокоение явится в результате не чисто механических мероприятий, а лишь коренной реформы всего современного общественно-политического строя на истинно демократических началах полного народовластия и передачи земли народу»¹⁸.

Кроме того, автор статьи всеми силами оправдывал террористов, совершивших покушение на Столыпина: «Это не наемные агенты – «каморры народной власти», убивающие свою жертву из-за угла, нет – это люди, беззаветно преданные святой идеи освобождения народа». «На смену павшим товарищам, – продолжал автор, – встанут новые и новые борцы, ряды борцов, полных той же горячей веры в светлое будущее, так же непоколебимо уверенных в правоте своего дела, твердых решительных, непреклонных»¹⁹.

Понятно, что такая статья не могла избежать пристального внимания цензора. В итоге, редактора газеты «Курская речь», кстати, помощника присяжного поверенного – Г. М. Котлярова, обвинили виновным в преступлении, предусмотренном п. 1 ст. 129 Уголовного Уложения. Защитник О. О. Грузенберг нашел ошибку в обвинительном акте и приговоре, так как ни в том, ни в другом не было указано, что инкриминируемый номер газеты получил распространение. Без наличия этого признака невозможно было применить в отношении Котлярова ст. 129 Уголовного Уложения. Адвокат подал кассацию в Правительствующий Сенат. Разделяя приведенные соображения защиты, Сенат прекратил дело против Котлярова «за отсутствием признаков преступления»²⁰.

После поражения в Русско-японской войне пристальное внимание журналистов были приковано к армии. 8 марта в Санкт-Петербургской судебной палате слушалось дело по обвинению редактора газеты «Новости» О. К. Нотовича. Его обвиняли в опубликовании статей под заглавием «Заявление казаков» и «Армия и народ». В последней цензоры нашли явный призыв к бунту и к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы. Кроме того, Нотовича обвиняли в издании еще шести статей, заключавших в себе

«ряд выражений, оскорбительных для действующих воинских частей, призванных для поддержания порядка внутри империи»²¹. Редактору инкриминировали преступление, предусмотренное ст. 129 Уголовного Уложения. Дело слушалось при закрытых дверях. Защитником О. К. Нотовича выступил присяжный поверенный Л. А. Базунов. Судебная палата признала подсудимого виновным и приговорила к заключению в крепости на год, а газета «Новости» была закрыта²².

Не обошли стороной литературные процессы и Саратов. На помощь оппозиционным журналистам и редакторам встали представители местного кружка синергии «Молодая адвокатура»: Н. М. Семенов, А. С. Чумаевский, Л. И. Перельман, А. А. Никонов, А. А. Токарский, В. Н. Поляк, Б. Б. Арапов и Н. Н. Мясоедов.

Так, 7 января 1906 г. в г. Саратове под редакцией С. Т. Патрашкина был выпущен первый номер еженедельной газеты «Воля». В нем был помещен целый ряд статей противоправительственного содержания²³. В редакционной статье под заглавием «Наша программа» излагались требования политического и экономического характера, которые, по мнению автора, должны быть санкционированы учредительным собранием, чтобы выработать основные законы Русского государства. В первом пункте этой программы изложено требование об «установлении самоуправления народа, т. е. сосредоточение всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату». После шестнадцати похожих, пропитанных антиправительственной идеей, пунктов было помещено следующее положение: «Считая, что полное обнищание крестьянской массы задерживает экономическое развитие России и препятствует росту крупной промышленности, мы признаем необходимой конфискацию частновладельческих, удельных, кабинетских, казенных, церковных и монастырских земель в подворную собственность крестьян там, где этого пожелают они сами, или в общинное владение, где еще крепка форма землепользования. Крестьяне должны получить всю землю и всю волю»²⁴.

В этом же номере была опубликована статья некоего А. Лопуховского под названием: «Кто победит?». В ней в крайне резкой форме осуждались действия властей по подавлению вооруженных восстаний в Москве, в Ростове-на-Дону и в других городах. По мнению автора, эти восстания вызваны рядом провокаторских мер и насилия министра внутренних дел Дурново²⁵. Лопуховский утверждал, что «правительство не в силах остановить революционное движение в России». Такая реакция, уверен автор, «кровью напишет обвинительный акт правительству для всенародного суда»²⁶.

Заключительная статья газеты «Воля» – «Предвыборный погром». Автор призывал народ

отказаться от участия в выборах представителей в Государственную думу ввиду все тех же насильственных мер правительства, лишающих, по его мнению, народ возможности избрать истинных своих представителей²⁷.

Полиция конфисковала 387 экземпляров газеты «Воли». Всего же, по словам редактора, тираж составлял больше тысячи экземпляров. И вечером, накануне задержания, газеты были проданы разносчикам для розничной продажи. Во время допроса обвиняемые С. Т. Патрашкин и А. Я. Лопуховский виновными себя не признавали. Последний утверждал, что в написанной им статье содержится лишь критика министра внутренних дел Дурново, которого он считает нарушителем царской воли, выраженной в Манифесте 17 октября 1905 г. По итогам расследования Патрашкина и Лопуховского обвинили в возбуждении к бунтовщическому деянию, к ниспровержению существующего в России общественного строя и неповиновению или противодействию закону, т. е. деянию, предусмотренному ст. 129 Уголовного Уложения. Подсудимым грозила ссылка на поселение сроком как минимум на три года. Защитить авторов крамольных статей вызвался набиравший популярность начинающий адвокат – Н. Н. Мясоедов²⁸. Его усилий хватило, для того чтобы отвести от обвиняемых «политическую» статью. Из зала суда они ушли, приговоренные к штрафу: Патрашкин – 300 рублей, Лопуховский – 200 рублей²⁹.

Но больше всего от цензорского контроля пострадал редактор газеты «Приволжский Край» меньшевик Д. А. Топуридзе. Только за 1906 г. он три раза попадал в поле зрения местных цензоров. Однако трижды члены Саратовской судебной палаты не находили вины в действиях Топуридзе³⁰.

Перед судом оказался также и редактор крупнейшей газеты Саратова и Поволжья «Саратовский листок» – П. О. Лебедев. В ноябре 1906 г. он предстал перед судом по ст. 129 Уголовного Уложения за публикацию статьи О. П. Богдановой «Очерки текущей жизни», которая содержала призыв к вражде с православным духовенством. Богданова обвинила их в «человеконенавистничестве, насилии и безудержной мести и истреблении “врагов общества”»³¹. Однако уголовное преследование в отношении Лебедева прекратили и отпустили его под залог в 100 р. В то же время, в силу особого внимания властей к его газете Лебедеву не раз приходилось обращаться к услугам местных присяжных поверенных.

Так, в 1907 г. П. О. Лебедев, который к тому времени уже семнадцать лет был редактором «Саратовского листка», обратился за юридической помощью к адвокату Н. Н. Мясоедову. Редактора обвиняли в том, что в шестом номере его газеты была напечатана статья под названием «Опора власти» за подписью А. К. Дживелегова. Лейтмотивом этой заметки стало «разоблачение абсолютизма и дворянства в целом и бюрократического заговора

против народа в частности». Автор утверждал, что при министре Столыпине существует специальная организация – «Совет объединенного дворянства», главная цель которого – «восстановление старого порядка». Именно этот, по мнению автора, «благородный суфлер» продиктовал Столыпину и разгон Думы, и введение военно-полевых судов, и многое другое, что носит на себе печать самой необузданной реакции»³².

Естественно, что такая оппозиционная статья не могла остаться без внимания цензоров. Редактора газеты «Саратовский листок» П. О. Лебедева, а также автора заметки А. К. Дживелегова обвинили в составлении и опубликовании статьи, возбуждающей враждебное отношение к дворянскому сословию. Лебедеву и Дживелегову грозило как минимум несколько лет тюремного заключения. Но благодаря усилиям политического защитника Н. Н. Мясоедова, подсудимым удалось избежать сурового наказания. В итоге Дживелегова приговорили к тюремному сроку на три месяца, а 59-летнего Лебедева – на один³³.

Если крупные издания периодически попадали под удар цензоров, то что можно говорить о небольших изданиях. 23 апреля 1906 г. в свет вышел № 9 газеты «Народный листок»³⁴. Редактора В. Кондратьева обвинили в публикации статей, по содержанию своему заключающих в себе признаки п. 1 и п. 2 ст. 129 Уголовного Уложения. В заметке «Рабочий и крестьянин» указывалась необходимость перехода земли от помещика «во власть народа». Крестьяне и рабочие призывались к борьбе против гнета, «как земледельческого притеснения, так и капиталистического»³⁵. В другой статье «О выборах в Государственную думу» приводились слова одного оратора: «народ хочет использовать все средства борьбы с этим диким произволом правительства, если же и это не поможет, народ сам возьмет, что ему надо». А стихотворение «Из песен вольных» призывало «встать под красное знамя к борьбе за свободу, путь к которой обмыт потоками крови и слезами павших и покрыт их телами»³⁶. Цензор усмотрел в целом ряде статей этого номера признаки возбуждения к ниспровержению существующего общественного строя, возбуждения вражды между классами и враждебное отношение к правительству. По приговору Саратовской судебной палаты на весь тираж газеты был наложен арест³⁷. Несмотря на это, Кондратьева продолжала выпускать газету. Но история «Народного листка» продолжалась недолго, через три недели газету все-таки закрыли окончательно.

В связи с тем что местные адвокаты состояли в Совете присяжных поверенных округа Саратовской судебной палаты³⁸, им приходилось участвовать в делах о печати и в других городах Поволжья и Южного Урала. Так, 3 апреля 1907 г. в передовой статье № 3 газеты «Топ», издаваемой на татарском языке в г. Астрахани крестьянином Хабибулой Умеровым, были напечатаны статьи,

никем не подписанные. В первой из них, озаглавленной «Хаджи Туркань», автор, описывая деятельность правительства, утверждал, что «оно угнетает народ, вот уже три года как проливает кровь, разоряет города и весь русский народ доводит до крайней нищеты. <...> Прогнав Думу, оно объявило всю Россию на военном положении, недовольных в 24 часа расстреливали и вешали и т. д.»³⁹.

Оказавшись на скамье подсудимых, Умеров обратился за помощью к саратовским адвокатам, в том числе к Н. Н. Мясоедову, уплатив им 30 рублей. Себя Умеров виновным не признавал, утверждая, что напечатанные им сведения о деятельности правительства он не считает ложными, так как то же самое печаталось во многих русских и татарских газетах. В отношении второй статьи Умеров пояснял, что она представляет собой «вымысел-шутку»⁴⁰. В ходе судебного процесса адвокату Мясоедову и его коллегам удалось добиться изменения наказания для Умерова. Вместо нескольких лет тюрьмы редактору был назначен арест при полиции сроком один месяц⁴¹.

Известный правовед И. В. Гессен назвал закон 24 ноября 1905 г. «памятником умирающего режима». «Режима, в котором, – по его мнению, – газеты приостановлены, тюрьмы переполнены, кассы казначейства обильно пополняются залогам, вносимыми преступниками»⁴². Указ «О временных правилах о повременных изданиях», по меткому выражению юриста Н. И. Лазаревского, не что иное, как «закон, карающий мнения». В нем созданы «категории запретных мнений, не потому, что они готовили преступления, а потому, что эти мнения могут возбуждать к действиям, хотя и не преступным, но в данную минуту правительству неудобным»⁴³.

«Задушив» таким образом периодическую печать, правительство породило огромное количество дел о печати, а «каучукообразность, растяжимость ст. 129 Угол. Улож. создавала ловушку в уголовном процессе ситуацию, когда наказание зависело от толкования, которое пожелает дать закону судья»⁴⁴. В это время сложилась уникальная ситуация в проведении «литературных процессов». Суд первой инстанции оправдывал подсудимого, а Сенат отменял оправдательный приговор. Затем судебная палата ходатайствовала о смягчении наказания, которое неизменно отвергалось. При таких условиях защите можно было сделать «не более чем врачу на войне, когда бомбы и гранаты отрывают головы или, в лучшем случае, калечат руки и ноги»⁴⁵, – образно описывал эту ситуацию адвокат М. Л. Гольдштейн. От общего разгрома в этот период смогло уцелеть лишь несколько изданий, которые превратились «в единственные трибуны, с которых измученная страна продолжала посылать проклятия своему завоевателю. Вся сила протеста и негодования сконцентрировалась на этих газетных столбцах»⁴⁶. Рассматриваемый период характеризу-

ется именно тем, что «завидный жребий – быть и бороться на передовых позициях – выпал на долю русской печати. Сочинялись новые законы, подсудности, срок, сыпались обвинительные приговоры, аресты, закрытия газет, но русская печать шла вперед»⁴⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что избежать законодательных «ям» и «капканов», а также суровых судебных наказаний журналистам и печатным органам помогали на «литературных» судебных процессах присяжные поверенные из синергии политической защиты «Молодая адвокатура». Представители адвокатского сословия вместе с публицистами, издателями и редакторами оказались на «литературных баррикадах» и, несомненно, сыграли значительную роль в освободительном движении России в годы Первой русской революции.

Примечания

- 1 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. 25. № 26962.
- 2 Лазаревский Н. И. Временные правила о печати // Право. 1905. № 48–49. Стб. 3870.
- 3 Таубер Л. Печать и архаизм Уложения о Наказаниях // Право. 1906. № 11. Стб. 1112.
- 4 Право. 1905. № 47. Стб. 3809.
- 5 Таубер Л. Указ. соч. Стб. 1107.
- 6 Варфоломеев Ю. В. Политические процессы в России (кон. XIX – нач. XX вв.). Саратов, 2010. С. 116.
- 7 Синергия «Молодая адвокатура» – неформальное объединение, синергия (содружество) политических защитников, возникшее на рубеже XIX–XX вв., которые выступили за обновление адвокатской корпорации России и приняли активное участие в политических судебных процессах (Подробнее см.: Варфоломеев Ю. В. «Молодая адвокатура»: политическая защита в России (кон. XIX – нач. XX вв.): учеб. пособие. Саратов, 2005).
- 8 Грузенберг О. О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205.
- 9 См.: Варфоломеев Ю. В. Политические процессы в России... С. 116–119.
- 10 Там же.
- 11 Там же. С. 119–120.
- 12 Право. 1907. № 4. Стб. 267.
- 13 Дмитрий Илларионович Назаренко – депутат Государственной думы I созыва от Харьковской губернии (См.: Боиович М. М. Члены Государственной думы (Портреты и биографии). Первый созыв. М., 1906. С. 381.)
- 14 Право. 1907. № 5. Стб. 387–389.
- 15 Там же. Стб. 391.
- 16 Там же. 1906. № 44. Стб. 3403.
- 17 Там же. Стб. 3404–3405.
- 18 Право. 1907. № 16–17. Стб. 1215.
- 19 Там же.
- 20 Там же. Стб. 1215–1216.
- 21 Там же. 1906. № 11. Стб. 1070.
- 22 Там же.
- 23 ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 196. Л. 19.
- 24 Там же.
- 25 Недовольных политикой министра внутренних дел Павла Николаевича Дурново было предостаточно. Периодически в прессе появлялись статьи с критикой чиновника. Так, в феврале 1906 г. в Санкт-Петербургской судебной палате рассматривалось дело редактора газеты «Сыны Отечества» по обвинению «в помещении статей преступного содержания». В них П. Н. Дурново представлен убийцей и «величайшим преступником». Автор статьи утверждал, что «ни Дурново, ни Витте не смогут остановить революцию. Правительство рухнет и погребет под своими развалинами всю камарилью, всех прихвостней самовластия с их Витте, Дурново и военными судами» (Право. 1906. № 8. Стб. 719).
- 26 Там же.
- 27 Там же.
- 28 См.: Гальперин Р. И. Присяжный поверенный Н. Н. Мясоедов // Социально-гуманитарные науки и современность : межвуз. сб. науч. труд. Пермь, 2011. Вып. 6. С. 69–79 ; Он же. «Трудовой интеллигент» Н. Н. Мясоедов – адвокат и общественный деятель // Дискуссионные вопросы современного российского интеллектоведения. Иваново, 2011. С. 171–173.
- 29 ГАСО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 2811. Л. 237.
- 30 Там же. Д. 2747, 2750, 2860.
- 31 Там же. Д. 3079. Л. 32.
- 32 Там же. Ф. 409. Оп. 2. Д. 365. Л. 3.
- 33 Там же. Л. 29.
- 34 Там же. Ф. 7. Д. 2798. Л. 1.
- 35 Там же. Л. 2а.
- 36 Там же. Л. 3.
- 37 Там же. Л. 3а.
- 38 В округ Саратовской судебной палаты, кроме Саратовского окружного суда, входило еще семь: Пензенский, Тамбовский, Самарский, Астраханский, Оренбургский, Уральский и Троицкий.
- 39 ГАСО. Ф. 409. Оп. 2. Д. 551. Л. 20.
- 40 Там же.
- 41 Там же. Л. 20об.
- 42 Право. 1906. № 14. Стб. 1283.
- 43 Лазаревский Н. И. Указ. соч. Стб. 3885.
- 44 Право. 1907. № 4. Стб. 265–273.
- 45 Гольдштейн М. Л. Печать перед судом. Речи по делам «Руси», «Нашей жизни» и «Сына Отечества». СПб., 1906. С. 4–6.
- 46 Там же. С. 3–4.
- 47 Там же. С. 4.